

ПИСЬМА В ЗАЩИТУ В. Н. БЕНЕШЕВИЧА

«Всей своей судьбой Бенешевич заработал право быть опубликованным до последней строчки». Эти слова академика А. А. Фурсенко, сказанные им на обсуждении одного из докладов автора этих строк, посвященного рукописному наследию В. Н. Бенешевича, запомнились мне, и в меру своих сил я старался сделать так, чтобы они не остались только словами.¹ Здесь же хотелось бы лишь напомнить об откликах мировой общественности, вызванных стремлением властей расправиться с Бенешевичем, о попытках спасти его.

1928 год для нашего выдающегося ученого, историка-византиниста, Владимира Николаевича Бенешевича (1874—1938) оказался поистине роковым: вместо того чтобы баллотироваться на выборах в действительные члены Академии наук и заслуженно победить (соответствующее представление было сделано академиком Ф. И. Успенским, но с его кончиной 10 сентября 1928 г. В. Н. Бенешевич утрачивает своего могущественного и, пожалуй, единственного покровителя в академических кругах),² он — по-видимому, именно с целью недопущения этого — под надуманным предлогом был арестован 25 ноября органами ОГПУ и заключен в Соловецкие лагеря (обвинялся в «нелегальных связях» с русской научной эмиграцией, в частности с «контрреволюционной организацией Евразийцы», с польской миссией, с Ватиканом).³

Двойственное чувство испытываешь, знакомясь ныне с материалами следственного дела В. Н. Бенешевича (хранится в архиве Управления ФСБ Российской Федерации по С.-Петербургу, д. П-39295, ранее д. № 300).⁴ С одной стороны, все эти пространные монологи-«показания» ученого, записанные рукой следователя Рудовского или, чаще, рукой самого В. Н. Бенешевича, содержат богатейший и интереснейший материал о научной работе В. Н. Бенешевича в зарубежных архивах и библиотеках, о его творческих планах и особенно — о его научных и дружеских контактах с отечественными и зарубежными коллегами. В каком-то смысле, как это ни странно звучит, ему «повезло» со следователем, ибо Рудовский давал ему возможность высказаться, отнюдь не принуждая его «не отклоняться от темы»; создается даже впечатление, что ему было интересно обо всем этом услышать. Не менее интересен и пространный акт заключительного обвинения, составленный Рудовским, с обширными цитатами из изъятой при обыске и ныне утраченной (в значительной своей части) переписки ученого («вещдоки»!). А с другой стороны — завораживает зловещий смысл того, ради чего все это делалось, когда абсолютно нормальные с точки зрения ученого, осуществлявшего интенсивную творческую деятельность, контакты с зарубежными коллегами (к тому же восходящие еще к дореволюционным временам) объявляются криминальными, из искреннего повествования ученого на допросах о его жизни делаются, с помощью подтасовки фактов,⁵ совершенно им не соответствующие выводы, и в результате следователь ходатайствует перед Коллегией ОГПУ о «заключении Бенешевича в Соловецкий лагерь особого назначения сроком на десять лет» (Особое совещание при Коллегии ОГПУ, впрочем, по каким-то, не поддающимся моей проверке соображениям постановило: «Бенешевич (sic!) Владимира Николаевича заключить в концентрационный лагерь, сроком на ТРИ года. Дело сдать в архив»⁶).

Арест и осуждение В. Н. Бенешевича не вызвали особого ажиотажа, но имена тех немногих деятелей мировой науки, которые выступили в его за-

щиту, поражают. Так, в деле содержатся копии обращений к членам советского правительства двух нобелевских лауреатов, имена которых не нуждаются в представлении: норвежского полярного исследователя и общественного деятеля Фритьофа Нансена (1861—1930) от 7 ноября 1929 г. к М. М. Литвинову, который в то время был главой советской делегации в Подготовительной комиссии к Конференции по разоружению в Женеве, и всемирно известного физика-теоретика, создателя общей и специальной теории относительности Альберта Эйнштейна (1879—1955) (между прочим, почетного члена Академии наук СССР с 1927 г.) от 31 июля 1929 г. к А. В. Луначарскому, в то время наркому просвещения.

Привожу тексты этих двух писем-обращений.

Фритьоф Нансен — М. М. Литвинову⁷

К о п и я

Лизакер, 7 октября 1929 г.

Многоуважаемый господин Литвинов,

Я снова должен просить у Вас прощения за беспокойство. Дело касается профессора Ленинградского университета В. Бенешевича. 25 ноября 1928 г. он был арестован и после 7 месяцев заключения приговорен к трем годам принудительных работ в Соловцах (sic!). Он весьма слабого здоровья, и сомнительно, сможет ли он долго там выдержать. Я не знаю, за что он арестован, но так как он весьма заслуженный деятель наук, то разрешаю себе спросить, не было ли бы возможно выслать его из России. В течение многих лет он был профессором православного церковного права в Ленинграде, каковая специальность естественно связана с византизмом (sic!). По сообщенным мне сведениям, он имеет в обеих этих отраслях весьма большие заслуги и удостоился в Европе целого ряда почестей, между прочим, избрания членом Баварской,⁸ а недавно также Русской (sic!) Академии наук.⁹ В случае, если он будет выслан из России, он сможет, вероятно, содержать себя и свою семью научной работой где-нибудь в Европе.

Глубоко уважающий Вас Фритьоф Нансен.

Копия верна:

Сотрудник Управления АФБ РСФСР по С.-Петербургу и области
Н. Е. Башун.

11 декабря 1991 г.

Альберт Эйнштейн — А. В. Луначарскому¹⁰

Albert Einstein.

Vertraulich. Kopie.
Berlin, V. 31/VII. 29
Haberlandstr. 5.

Herrn Volkskomissar Lunatscharki, Moskau.

Hoch geehrter Herr Lunatscharki.

Ich erlaube mir, an Sie zu schreiben in einer wichtigen Angelegenheit. Vor einiger Zeit ist der bedeutende und angesehene russische Gelehrte Wladimir Beneschewitz aus Leningrad zur Deportation verurteilt worden, einer Strafe, welche der Betroffene nach dem Urteil hiesiger Gelehrter, welche die Umstände näher kennen, kaum dürfte überstehen können. Die hiesige Akademie der Wissenschaften, welche Herr Beneschewitz aus rein wissenschaftlichen Motiven schätzt, hat sich schon ohne Erfolg um seine Begnadigung bemüht. So versuche ich es hier noch einmal auf inoffiziellen Wege.

Herr Beneschewitz ist dadurch in sein Unglück gekommen, dass er sich dadurch wissenschaftliches Material verschaffte, dass er Beziehungen zu einem Prälaten des Vatikans unterhielt. Mit diesen verfolgte er aber nur rein wissenschaftliche Zwecke. Nicht nur vom Standpunkte der reinen Wissenschaft, sondern auch von dem des Ansehens und der Sympatie gegenüber der Soviet-Regierung wäre eine Begnadigung des Gelehrten hoch erfreulich. Meine Bitte geht dahin, Sie möchten sich persönlich für dessen Begnadigung einsetzen.

Mit aller Hochachtung und besten Wünschen

Ihr A. Einstein.

Перевод

Альберт Эйнштейн

Совершенно секретно. Копия.
Берлин, V. 31.VII.29 г.
Хаберландштр. 5.

Господину Народному Комиссару Луначарскому, Москва.

Высокоуважаемый г-н Луначарский!

Я позволяю себе обратиться к Вам по чрезвычайно важному поводу. Несколько времени назад известный, уважаемый русский ученый Владимир Бенешевич из Ленинграда был присужден к ссылке (sic!), — наказание, которое упомянутый ученый, по мнению наших ученых, хорошо знакомых с обстоятельствами этого дела, не заслужил. Здешняя Академия наук, которая ценит г-на Бенешевича по чисто научным мотивам, уже ходатайствовала о его помиловании,¹¹ но безуспешно. Поэтому я снова пытаюсь добиться помилования его неофициальным путем.

Г-на Бенешевича потому постигло несчастье, что он в целях получения научного материала поддерживал отношения с одним прелатом в Ватикане.¹² Но эти отношения имели целью лишь чисто научные интересы. Помилование этого ученого было бы в высокой степени желательным не только с точки зрения чистой науки, но также и исходя из того уважения и симпатий, с какими он относится к советской власти. Я просил бы Вас о том, чтобы Вы лично ходатайствовали о помиловании г-на Бенешевича.

Примите уверения в глубоком почтении и мои наилучшие пожелания.

Ваш А. Эйнштейн.

Копия верна:

Сотрудник Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и области А. Н. Евсеев

3 октября 1995 г.

Трудно сказать, от кого узнал о деле Бенешевича Фритьоф Хансен (наверное, «не дремал» именитый тесть В. Н. Бенешевича — академик Ф. Ф. Зелинский, проживавший в Варшаве). Что касается Альберта Эйнштейна, то он, скорее всего, это узнал от своего коллеги, неперменного секретаря Берлинской Академии наук (также нобелевского лауреата) знаменитого физика-теоретика Макса Планка (1858—1947), а тот в свою очередь — «из первых рук», от жены В. Н. Бенешевича Аматы (Людмилы) Фаддеевны Бенешевич (1888—1967).¹³ В бумагах Бенешевича, хранящихся в С.-Петербургском филиале Архива РАН, мною обнаружен черновой набросок письма А. Ф. Бенешевич к Макс Планку, которое гласит (в моем переводе с немецкого): «Планку. Высокопочтимый Господин! Я только что получила Ваше ценное письмо от такого-то числа (sic!) (не сохранилось?! — И. М.) и от имени моего мужа преданно благодарю Вас за любезное сообщение. К сожалению, мой муж в настоящее время не в состоянии лично поблагодарить Вас за

почетное избрание его членом-корреспондентом Вашей Академии, так как он с 24 ноября находится в предварительном заключении по политическому обвинению. При ближайшем посещении тюрьмы я сообщу ему об этом и убеждена, что это новое доказательство уважения коллег послужит ему в его нынешнем трудном положении особым утешением и ободрением».¹⁴

От Аматы Фаддеевны узнал о беде В. Н. Бенешевича еще один именитый ходатай по его делу (и, в отличие от трех предыдущих, лично знавший нашего ученого) — академик Владимир Иванович Вернадский (1863—1945), который обратился 26 июня 1929 г. к президенту Академии наук СССР академику А. П. Карпинскому с письмом следующего содержания:

Глубокоуважаемый Александр Петрович,

На днях я узнал от Л. Ф. Бенешевич, жены члена-корреспондента АН проф. В. Н. Бенешевича, что дело ее мужа окончено и он приговорен к трехлетнему пребыванию в концентрационном лагере.

Как друг покойного академика Ф. И. Успенского и как председатель КИЗ,¹⁶ для которой член комиссии В. Н. Бенешевич предпринял — прерванное его арестом — издание старых (с конца XV века) математических русских неизданных текстов,¹⁷ я обращаюсь к Вам с просьбой возбудить — из соображений государственной пользы и ввиду важных интересов науки — перед властью вопрос об откомандировании В. Н. Бенешевича в порядке отбывания наказания для научной работы в распоряжение Академии наук.

Согласно принципам государственного строя Союза и идеологии коммунистического мировоззрения, наказание, как наказание — возмездие и искупление за вину или за причиненный государству вред — не должно иметь места. Может идти лишь вопрос об изоляции данного лица, которая предупреждала бы проявление его вредной деятельности.

Форма этой изоляции может быть различная, и она согласно указанным принципам и идеологии должна согласоваться с интересами государственной пользы и целей, государственной властью поставленных. Очевидно, при том стихийно властном значении, какое в настоящий серьезный момент жизни Союза должно иметь в нем широкое научное творчество, интересы науки и научной работы в стране должны быть принимаемы во внимание как первостепенная задача государственного строительства.

С этой научной точки зрения должна быть — по сути дела — оценена деятельность В. Н. Бенешевича. Академия наук, высшая форма государственной научной организации в нашей стране, обязана — для пользы дела — представить власти свое об этом заключение.

Я знаю со слов моего покойного друга, академика Ф. И. Успенского, с которым я многократно об этом говорил и авторитетное мнение которого едва ли может серьезно оспариваться, что В. Н. Бенешевич является в настоящее время одним из самых крупных мировых ученых в области изучения былого византийской культуры — т. е. в огромной области истории на протяжении тысячелетнего существования Византийской империи и связанных с ней народов и государств. Все, что я слышал от других, работающих в этой области ученых — русских и иностранных, — вполне подтверждает эту оценку моего покойного друга. Мои сношения с В. Н. Бенешевичем в связи с его работой в нашей комиссии — В. Н. собирался выступить в ней с рядом докладов по истории науки в Византии — могли только убедить меня (уже скоро полстолетия неуклонно научно работающего и внимательно следящего за ходом научного творчества не только в области естествознания) в правильности этой оценки. Наконец, мы имеем объективные указания, которые должны серьезно быть приняты во внимание. Недавно, в 1927 или 1928 годах, В. Н. Бенешевич был избран членом Баварской Академии наук в Мюнхене, где сейчас, насколько знаю, сосредоточивается в большей мере, чем в

других научных центрах Германии, работа по византиноведению. В прошлом году ему поручена этой Академией большая и ответственная работа по изданию источников византийского права, и его две большие работы — плод долголетнего труда — печатаются в Трудах этой Академии. К сожалению, тяжелые условия русского научного издательства не позволили им явиться здесь. Наконец, недавно, уже после ареста Владимира Николаевича, другая германская Академия, мировое значение которой еще более Баварской, Прусская Академия наук в Берлине, выбрала В. Н. Бенешевича своим членом. Очень немногие русские ученые приняты сейчас в состав этих высших центров научной мысли Германии.

Мы не можем и не должны — даже с точки зрения государственных интересов нашей страны — относиться без внимания к этой оценке научного значения гражданина нашей страны. Она важна для нее объективно.

Надо принимать во внимание и то впечатление в научном международном общественном мнении, которое должно произвести направление в концентрационный лагерь члена нескольких академий (В. Н. Бенешевич, если не ошибаюсь, и член Греческой Академии наук в Афинах¹⁸) сейчас же после его избрания Прусской Академией наук.

Наша Академия обязана представить об этом государственной власти, учитывая особенно то, как социалистическое государство строит систему наказаний своих свершивших проступки граждан. Наказание есть для него вопрос целесообразности, и при его оформлении принимается во внимание только польза и интересы Союза, не абстрактные нормы права, регулирующего жизнь Западной Европы.

Мне кажется, что Академия не может остаться и по другим соображениям безучастной по отношению к В. Н. Бенешевичу. Она должна принять во внимание положение византиноведения в нашей стране. Об этом она обязана довести до сведения власти в связи с личностью В. Н. Бенешевича.

Здесь также я считаю себя нравственно обязанным оживить и напомнить те многократно за последние годы звучавшие в заседаниях Академии тревожные волнения и опасения покойного академика Ф. И. Успенского. Они не должны быть забыты в этот момент.

Сейчас положение науки о византийской культуре в нашей стране катастрофическое. Центры научной работы чрезвычайно ослаблены; молодой прирост не имеет простора для развития; научные работники не имеют возможности для осуществления своего творчества. В стране нет крупных руководителей. В. Н. Бенешевич один из самых крупных, вернее, в настоящее время самый крупный.

А между тем многочисленные и теснейшие связи связывают историю нашей страны — во всех ее проявлениях — с византийской культурой. Мы не можем изучать и научно знать наше прошлое — а следовательно, и научно объективно понимать настоящее — без научно творческой работы в области византиноведения. Академия обязана об этом заботиться и должна употребить все силы и средства для сохранения в своей среде в форме работоспособной и научно активной одного из немногих, если не единственного, из мировых ученых в этой области, в пределах Союза оставшихся.

К тому же сейчас начинается расцвет научной работы в области изучения византийской культуры и переоценка в нем старого давно известного. Новый лик прошлого открывается перед нами — и это должно сознательно переживаться нашей страной. Только в полном проявлении всех сторон научного творчества — наука, многогранная по существу, — может в нашей стране стать той большой творческой силой, какая сейчас так жизненно нам необходима. Ни одно звено без вреда не может быть выпущено.

Нельзя забывать, наконец, и того, что с правильной постановкой византиноведения связаны и менее крупные, но все же значительные государственные интересы, каковыми являются в данный момент, напр[имер], вопрос

о возвращении константинопольского научного института и те интересы, которые связаны с работой Палестинского общества.

Кто у нас, достаточно авторитетный как византолог в мировой научной среде, будет это вести после смерти ак. Ф. И. Успенского?

Учитывая все это, я считаю, что АН должна представить власти, что было бы государству вредно и неправильно направлять В. Н. Бенешевича в концентрационный лагерь и что она должна ходатайствовать о направлении его — в порядке осуществления состоявшегося над ним приговора — к работе в распоряжение АН.

Должен отметить, что такие случаи уже были — и кажется, не один раз — в жизни Всеукраинской Академии наук в Киеве.

Нам неизвестно, отреагировала ли Академия наук должным образом на ходатайство В. И. Вернадского, но факт, что ни имена, ни титулы ходатаев¹⁹ не возымели действия. Напротив, В. Н. Бенешевич, который с его обширными международными связями и нежеланием или неумением соблюдать «новые правила игры» во взаимоотношениях людей науки с властью был поистине находкой для «органов», не только отправляется на Соловки, но и «подключается» к новому широкомасштабному политическому процессу, так называемому Академическому делу, сфабрикованному в 1929—1931 гг. по указке Политбюро ЦК ВКП(б).²⁰ Возвращенный в Ленинград 28 февраля 1930 г., Бенешевич категорически отказывается признать свою причастность к мифическому монархическому союзу во главе с акад. С. Ф. Платоновым (Бенешевичу якобы отводилась в нем роль министра вероисповедания), но, ознакомленный с «показаниями» своих коллег, он в заявлении на имя следователя Рудовского от 14 апреля 1930 г. (автограф) пишет: «Теперь я хочу быть с ними с того времени, когда они стали считать меня в своем союзе, и разделить их судьбу».²¹ И снова бесконечные «беседы» с Рудовским, те же, в сущности, но «обогащенные» новыми подробностями, монологи и собственноручные записки, вставленные, однако, в иной квазикриминальный контекст, и осуждение — пять лет заключения в Ухта-Печорском «исправительно-трудовом» лагере.

Считается, что в 1933 г. В. Н. Бенешевич был освобожден досрочно по ходатайству небезызвестного В. Д. Бонч-Бруевича (1873—1955),²² своего давнего и влиятельного знакомого. К сожалению, в ксерокопиях следственного дела, с которыми удалось ознакомиться автору этих строк (в Библиотеке РАН, в архиве РНБ), такой документ отсутствует,²³ но из последовавшей за этими событиями переписки В. Н. Бенешевича и В. Д. Бонч-Бруевича нам известно, что последний сыграл решающую роль в вызволении Аматы Фаддеевны Бенешевич из заключения и в благополучном разрешении трудной проблемы с получением В. Н. Бенешевичем паспорта. В письме от 3 мая 1933 г. к С. М. Кирову Бонч-Бруевич пишет:²⁴

Председателю Ленинградского Облисполкома тов. Кирову.

Дорогой товарищ!

Предъявитель сего, Владимир Никол. Бенешевич, член Академии наук СССР, член Мюнхенской и Берлинской Академий наук, очень большой ученый в своей специальности, не получает паспорта на жизнь в Ленинграде вместе со своей семьей, очевидно, ввиду того, что был подвергнут высылке из Ленинграда.

Полагал бы, что В. Н. Бенешевич и его семье вполне можно было бы предоставить возможность жить в Ленинграде, так как он весь поглощен научными работами и постоянно нуждается в подлинниках рукописей раз-

личных веков и на различных языках, сохраняющихся в наших архивах и книгохранилищах. Он полон сил, энергии и несомненно на научном фронте делает еще много полезных исследований.

Было бы очень хорошо, если бы Вы разрешили ему и его семье выдать паспорт.

Крепко жму Вашу руку.

С коммунистическим приветом

Влад. Бонч-Бруевич.

Именно В. Д. Бонч-Бруевичу, едва очнувшись после всех своих мытарств и с горечью сознавая: «Сношения ученые мои с заграницей едва ли можно возобновить, не рискуя навлечь подозрений и неприятностей», В. Н. Бенешевич тем не менее заявляет: «Заграница мне необходима, как воздух, и писать туда я должен и буду; мало того: я должен поехать туда».²⁵ И он пишет, извещая всех своих зарубежных коллег о своем возвращении к активной научной деятельности и получая в ответ многочисленные письма с выражениями искренней радости и облегчения от тревоги за судьбу Бенешевича.²⁶

Не тут то было: пройдет четыре заполненных научной работой почти что в экстремальных условиях года, и тучи опасности вновь сгустятся над головой В. Н. Бенешевича, получив катастрофическую разрядку в связи с выходом его мюнхенского 1937 г. критического издания одного из основных канонических сборников византийской православной церкви «Синагоги Иоанна Схоластика в 50 титулах», запланированного, по предложению выдающегося немецкого канониста Эдуарда Шварца, еще в 1912 г., растянувшегося на десятилетия и осуществившегося роковым образом в самый неблагоприятный в политическом отношении момент, когда в Германии уже вовсю хозяйничали фашисты.²⁷ В обстановке ажиотажа и, по свидетельству О. А. Добиаш-Рождественской, «совершенно исключительного возбуждения нашей университетской общественности»²⁸ устраивается судилище над Бенешевичем на заседании кафедры истории средних веков ЛГУ 10 октября 1937 г. (председатель О. Л. Вайнштейн, участники — М. В. Левченко, М. А. Гуковский, А. М. Розенберг, О. А. Добиаш-Рождественская, А. В. Банк и другие, в присутствии декана факультета И. Г. Гуткиной и секретаря партбюро Климентьева), факт опубликования книги в фашистской Германии расценивается как «акт политически вреднейший, возмутительнейший и заслуживающий категорического осуждения» (из выступления О. Л. Вайнштейна), кафедре предлагается «самым решительным образом осудить такого рода поступок», а «всем ее членам сделать все политические выводы и извлечь урок из этого возмутительного случая» (М. В. Левченко), и наконец, делается оргвывод: «Просим проф. Бенешевича отчислить из состава профессоров Истфака со следующей формулировкой: Отчислить из профессорско-преподавательского состава ЛГУ проф. Бенешевича, считая несовместимой работу среди советской молодежи в высших учебных заведениях с его антисоветским поведением» (показательная робкая попытка И. М. Гревса заступиться за Бенешевича, дать тому хотя бы возможность оправдаться).²⁹

О. А. Добиаш-Рождественская, подробно описавшая ход экзекуции в письмах к акад. Д. М. Петрушевскому, восклицает: «Но если меня огорчает его (В. Н. Бенешевича. — И. М.) судьба, то не могу не сказать, что совершенно изумляет его тактика: то глубочайшее непонимание мира, в котором он живет, непонимание правды страшной борьбы, которую нельзя не видеть».³⁰ Трудно сказать, что ей ответил ее корреспондент (Ольга Антоновна не сохраняла своей, особенно такого рода, переписки; «Очень мрачно то, что Вы пишете о нашем византинисте», — замечает она), но мы можем ска-

зять, что академик Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863—1942) написал самому В. Н. Бенешевичу, и не только сказать, но и опубликовать его доселе неизвестное письмо от 4 ноября 1937 г.³¹ Вот его текст:

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич,

Получил сегодня Ваше письмо. Я сам собирался написать Вам, чтобы выразить Вам самое горячее сочувствие в постигшей Вас беде. Вы представляете себе, с какими чувствами читал я помещенные в «Известиях» инсинуации по Вашему адресу.³² Откуда тамошние писаки почерпнули совершенно фантастические сведения о Вашей «реакционной» деятельности, о пропагандировании Вами «поповства и мракобесия»? Очевидно, у них заготовлена целая пачка бланков с соответственными формулами, в которые они и вносят очередные имена тех, кого судьбе угодно было отдать в жертву клевете и поруганию. Над кем они производят эту операцию, им это безразлично. Они рады всякому случаю показать свое усердие. Не сомневаюсь, что все, кому дороги интересы науки, в такой же мере, как и я, поражены свалившимся на Вас ударом. Отказываюсь понимать отношение к Вам и к Вашему «делу» того учреждения, которое, казалось бы, должно было принять все меры к тому, чтобы обеспечить Вам возможность продолжать Вашу научную работу, которую Вы вели, не покладая рук, в течение целых сорока лет.³³ А мы так надеялись, что Вы организуете у нас византийский кабинет и под Вашим руководством опять оживет когда-то так блестяще процветавшая у нас отрасль исторической науки. Мне все кажется, что стувившиеся над Вашей головой тучи скоро рассеются, справедливость Вам будет воздана, и Вы опять получите возможность продолжать научную работу на пользу и славу нашей страны. От всей души желаю, чтобы это поскорее стало действительностью.

Крепко, крепко жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас Д. Петрушевский.

Думаю, что и сам Д. М. Петрушевский понимал, что вряд ли такая возможность появится: машина уже заработала, 23 ноября 1937 г. следует арест (лейтенант госбезопасности Резник), 27 ноября — обыск (производил лейтенант Левченко), устраивается некое подобие скоротечного следствия (вел лейтенант госбезопасности Гантман), материалы которого³⁴ разительным образом отличаются от всех предыдущих: в них фактически отсутствует сам Бенешевич, почти нет подписанных и, тем более, писанных им самим документов; от его имени «дает показания» следователь.³⁵ Нет и тех в общем-то живых людей, именами которых наполнены страницы предыдущих следственных дел: все они превращаются здесь в знаковые фигуры шпионов и диверсантов — «разведчик Зелинский», «агент германской разведки доктор Гейзенберг», «агент итальянской разведки проф. Меркатти», «агент германской разведки Шварц» (в «справке», приложенной к обвинительному заключению и подписанной Гантманом, отмечено, что «проходящие по делу Зелинский Ф. Ф., Гейзенберг и Меркатти находятся за границей», хотя, например, Августа Гейзенберга, который имелся в виду, к этому времени уже 7 лет как не было в живых). Знакомясь с материалами этого последнего в жизни В. Н. Бенешевича «следственного дела», «шкурой» ощущаешь зловещее зияние могилы, — и она не заставила себя ждать: приговор Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 17 января 1938 г. («осужден к ВМН») 27 января 1938 г. был приведен в исполнение. Расстреляны были (ни с того, ни с сего!) два сына, молодые талантливые ученые Георгий и Дмитрий; расстрелян брат — геолог Дмитрий Николаевич Бенешевич; еще вопрос, повезло ли жене В. Н. Бенешевича — Амате Фаддеевне, также отдавшей «должное»

ГУЛАГу, пережившей все это и посвятившей остаток своей жизни борьбе за восстановление доброго и поруганного имени своего мужа. Целая семья страстотерпцев!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из серии моих публикаций о В. Н. Бенешеве отмечу здесь следующие: *Медведев И. П.* 1) В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 339—381; 2) Об одном неосуществленном проекте издания в 30-е годы русского перевода «Тайной истории» Прокопия Кесарийского: Неизвестные документы // ВВ. 1995 (1996). Т. 56 (81). С. 320—331; 3) Урок Бенешевича // Византийские очерки. М., 1996. С. 187—205; 4) К истории изучения переводной новгородской письменности конца XV столетия // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Т. 6 (16). С. 165—174; 5) О неосуществленном проекте В. Н. Бенешевича по изданию корпуса источников византийского права (по неопубликованным данным) // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 249—272; 6) Неопубликованные материалы В. Н. Бенешевича по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 574—611.

² См. об этом: *Медведев И. П.* Научное творчество В. Н. Бенешевича в оценке Ф. И. Успенского (по случаю представления в академии на выборах 1927—1929 года) (в печати).

³ Все это дело, получившее позднее продолжение в так называемом академическом деле, сам Бенешевич в письме к В. Д. Бонч-Бруевичу от 6 мая 1933 г. заклеил как «ни на чем не основанную мистификацию», его инициаторов — как мистификаторов-громил, а обвинения ему в евразийстве и в принадлежности к агентуре Ватикана — как, соответственно, «идиотство» и «идиотство в квадрате» (ПФА РАН, ф. 192, оп. 2, д. 2, л. 4).

⁴ При ознакомлении с делом мы пользовались его ксерокопиями, полученными недавно Российской национальной библиотекой и хранящимися в ее архиве. Благодаря сотрудникам архива за предоставленную возможность ознакомиться с ксерокопиями.

⁵ Иногда эта подтасовка имеет анекдотичный характер. Один только случай: ссылаясь на письма «главы евразийцев» Г. В. Вернадского к В. Н. Бенешевичу, следовательно делает вывод о том, что последний «думал заручиться поддержкой евразийцев при своем устройстве за границу. Для этой цели Вернадский предпринял некоторые шаги в Афинах на предмет назначения Бенешевича на университетскую кафедру в Салониках. Бенешевич в своих показаниях (д-сло>, л. 82, 86) отрицает это, хотя первоначально сознался, и утверждает, что речь шла не о нем, а о некоем (sic!) В. Н. Златарском — профессоре Софийского университета в Болгарии. В письме же от 3 августа 1926 г. Вернадский пишет: „У Венса (sic!) я был сегодня и на днях буду еще. Он полон лучших

чувств и намерений по отношению к Вам и просил Вам передать, что не пишет, пока не определится окончательно, но все время следит за Вашими интересами. Назначение В. Н. в Салоники на кафедру славянской филологии было уже устроено, об этом было даже в газетах, но затем была смена министерства и открытие этой кафедры может теперь и затянуться <...> Если же почему бы то ни было (мало ли что бывает) В. Н. не принял бы этого назначения, очень прошу его (в этом случае) рекомендовать Венсу меня на эту кафедру...». В письме от 7 августа 1926 г. Вернадский сообщает: „Венс еще повторял, что он будет следить за Вашим делом...“ (вещ. доказ. письмо № 7е). Венс — вероятно, чиновник министерства, от которого зависят университетские назначения. Фамилия Венса в справочнике „Minerva“ не значится» (Обвинительное заключение, с. 122).

Еще бы ей там значиться, если никакого Венса никогда не существовало, а имеется в виду известный греческий ученый-византист Никос Венс (1883—1958), давнишний друг, коллега и корреспондент В. Н. Бенешевича, основатель журнала «Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher», в котором В. Н. Бенешевич много публиковался. Да и под инициалами «В. Н.» следует понимать, конечно, не Владимира Николаевича Бенешевича (зачем бы это Вернадскому в письме к Бенешевичу называть того в третьем лице), а именно выдающийся болгарский славист Василий Николаевич Златарский (ум. 1935), с которым Бенешевича связывали давние узы дружбы и научного сотрудничества. Безобидный эпизод во взаимоотношениях четырех ученых с мировыми именами превратился, по фантазии следователя, в «страшное преступление» одного из них.

⁶ Архив Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и области, д. П-39295, л. 132 (концовка обвинительного заключения ст. уполномоченного Рудовского, с резолюциями «Согласен» нач. СОУ Домбровского и «Утверждаю» ПП ОГПУ в ЛВО Мессинга), л. 133 (выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 14 июня 1929 г.).

⁷ Там же, л. 139 (публикуется по копии русского перевода с немецкого оригинала, который, по крайней мере в ксерокопиях РНБ, отсутствует. Есть ли он в подлиннике дела, мне неизвестно).

⁸ На заседании 19 февраля 1927 г. Диплом («München, im März 1927») хранится в архивном фонде ученого (ПФА РАН, ф. 192, оп. 3, д. 104, л. 11).

⁹ Надо, конечно: Прусской (т. е. Берлинской) Академии наук. В бумагах ученого хранится три экземпляра печатного, на латыни, диплома о его избрании членом-корреспон-

дентом Прусской АН (socium Epistolarem Academiae Borussicae), датированного 30 мая 1929 г. (datum Berolini die XXX. Maii anno MCMXXIX). См.: ПФА РАН, ф. 192, оп. 3, д. 104, л. 8—10. Как пишет И. Ирмшер, «избрание в Берлинскую академию было единогласным. Предложение об избрании составил профессор немецкого и церковного права Ульрих Штутц. Под ним поставили подписи юрист Эрнст Гейман, египтолог Эрман, историки древности Эд. Мейер и Вилькен, филологи-классики Норден и Вилламовиц <...> необычно большое число членов Академии», см.: *Ирмшер И.* Русские исследователи античности в Берлинской академии // ВДИ. 1967. № 2. С. 122.

¹⁰ Копии с немецкого оригинала письма Эйнштейна и с его русского перевода также содержатся в: Архив Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и области, д. П-39295 (листы не пронумерованы, находятся в конце дела).

¹¹ Из этих слов явствует, что Берлинская Академия наук входила с официальным ходатайством о помиловании своего члена-корреспондента. Где-то ведь оно должно сохраниваться.

¹² Речь идет, конечно, о префекте Ватиканской библиотеки, кардинале Джованни Меркати, с которым (и с его братом, профессором Института восточных исследований в Ватикане Сильвио Джузеппе Меркати) В. Н. Бенешевича связывали давнишние научные и дружеские связи. Сохранившиеся после изъятия у Бенешевича их переписки письма Сильвио Меркати (ПФА РАН, ф. 192, оп. 1, д. 119, л. 269—272 об.; оп. 2, д. 115; оп. 2, д. 119) действительно свидетельствуют о весьма интенсивном их общении, обмене научными материалами (фотографиями греческих рукописей, книгами и т. д.). В бумагах Бенешевича сохранился любопытный документ — черновик его приветствия на торжественном заседании Общества любителей древней письменности по случаю 50-летия Общества от имени Ватиканской библиотеки (датирован 27 декабря 1927 г.). Пользуясь случаем, считаю целесообразным опубликовать документ: «B(ibliotheca) Ap(ostolica) Vat(icana), старейшая в мире научная библиотека, с первых лет возникновения ОЛДП поддерживала с ним тесное научное общение, обмениваясь всеми своими трудами. Библиотека живо ощущает крепость давнишних отношений и при своем нынешнем префекте Mgr Giovanni Mercati, неуспно и достойно хранящем многовековые научные традиции великого учреждения. Не имея возможности лично прибыть на торжество, Mgr Mercati поручил мне быть представителем Ват. Библиотеки на юбилее Общества. Исполняя это почетное поручение, от имени В. Ap. Vat., приношу ОЛДП поздравление к юбилею его полувековой научной деятельности, снискавшей ему славу и уважение как в русском ученом мире, так и в Европе, и выражаю пожелание, чтобы еще не одну полку пришлось отвести для будущих трудов Общества в гостеприимных залах Ватиканской Библиотеки» (ПФА РАН, ф. 192, оп. 3, д. 87, л. 526—526 об.).

¹³ О ее непростой судьбе см. интересный очерк: *Вольфцун Л.* Amata mea // Звезда. 1997. № 4. С. 178—184; Петербургские чтения-97. СПб., 1997. С. 563—566.

¹⁴ ПФА РАН, ф. 192, оп. 2, д. 13: «Planck'y. Hochgeehrter Herr! Ich habe soeben Ihren werten Brief vom такого-то числа (sic!) erhalten und danke Ihnen ergebens in Namen meines Mannes für Ihre liebenswürdige Mitteilung. Leider ist mein Mann gegenwärtig nicht in der Lage persönlich Ihnen für die ehrenvolle Wahl zum Korrespondierenden Mitglied Ihrer Akademie zu danken, da er sich seit dem 24 Nov. in politischer Untersuchungshaft befindet. Ich werde bei meinem nächsten Gefängnisbesuch ihm davon Mitteilung machen und bin überzeugt, dass dieser neue Beweis Kollegialer Wertschätzung ihm in seiner gegenwärtigen schweren Lage besonders tröstend und ermutigen sein wird. [Следует зачеркнуть: Ich hoffe, dass seine völlige Schuldlosigkeit] Ich werde versuchen все насчет анкеты» (sic!) (без даты, без подписи). В правом верхнем углу листа рукой В. Н. Бенешевича помечено (простой карандаш): «Благодарность за избрание в Берл. АН».

¹⁵ Архив РАН, ф. 518, оп. 3, д. 1963, л. 1—4 об. (автограф, черновик, вверху первого листа помета синим карандашом: «Послано 26 VI 929»). Письмо публиковалось: *Вернадский В. И.* Из писем разных лет / Публ. С. Р. Микулинского // Вестник АН СССР. 1990. № 5. С. 82—84.

¹⁶ КИЗ — Комиссия истории знаний АН СССР, создана по инициативе В. И. Вернадского в 1921 г., преобразована в 1932 г. в Институт истории естествознания и техники АН СССР.

¹⁷ Имеется в виду открытие В. Н. Бенешевичем древнерусского (1495 г.) перевода латинского трактата о времяисчислении одного из выдающихся литургистов XIII в. Вильгельма Дурантиса. См. об этом: *Медведева И. П.* К истории изучения переводной новгородской письменности конца XV столетия. С. 165—174.

¹⁸ Неточность! 20 февраля 1927 г. В. Н. Бенешевич был избран почетным членом Афинского Общества византийских исследований ('Εταιρεία Βυζαντινῶν Σπουδῶν), см.: ПФА РАН, ф. 192, оп. 3, д. 76, л. 1 (уведомление от 23 февраля 1927 г. за подписью председателя Общества П. Д. Калогеропулоса и секретаря Ф. Кукулеса), л. 2. (почетный диплом № 713 от 20 февраля 1927 г. за подписью тех же лиц), л. 3—9 (печатный устав Общества). Кроме того, еще в 1912 г. В. Н. Бенешевич был избран почетным доктором (διδάκτωρ ἐπίτιμος) юридического факультета Афинского университета. Уведомление об этом (12 апреля 1912 г., греческий язык), подписанное А. Г. Монфератосом, см.: ПФА РАН, ф. 192, оп. 3, д. 104, л. 18.

¹⁹ Имя В. Н. Бенешевича «было на устах» и других нобелевских лауреатов. Так, Анни Гейзенберг, жена немецкого византиниста Августа Гейзенберга и мать физика-теоретика Вернера Гейзенберга, сообщает в письме от 21 декабря 1933 г. о том, что вернулась только что из Стокгольма, куда сопровождала своего гениального сына на церемонию вручения ему

Нобелевской премии, и что в Стокгольме она разговаривала о Бенешевиче с «русским носителем Нобелевской премии» (с И. А. Буниным?) (ПФА РАН, ф. 192, оп. 2, д. 46, л. 4).

²⁰ Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1; 1998. Вып. 2.

²¹ Архив Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и области, д. П-65245, т. 6, л. 228 (следственное дело известно нам по ксерокопиям, которые получены архивом РНБ).

²² Например, так сказано в официальном документе — ответе начальника Управления КГБ СССР по Ленинградской области В. Н. Блеера от 23 марта 1989 г. на запрос Я. Н. Шапова от 11 февраля 1989 г. (благодарю Я. Н. Шапова за возможность ознакомиться с документом).

²³ В удостоверении Управления Ухто-Печорским лагерем № 63255 от 18 февраля 1933 г. сказано, что В. Н. Бенешевич, «осужденный 8 августа 1931 г. по ст. 58/11 на 5 лет, ввиду отбытия указанной меры соцзащиты (по зачету рабочих дней? — И. М.) из-под стражи освобожден» (ПФА РАН, ф. 192, оп. 3, д. 195, л. 16 а).

²⁴ Там же, оп. 2, д. 33, л. 2 (машинописный отпуск с пометой: «Подпись красными чернилами»).

²⁵ Там же, л. 10—10 об.

²⁶ Такого рода письма присылали Д. Анастасевич из Белграда, Д. Моравчик из Будапешта, Г. Милле из Парижа, С. Меркати из Ватикана, Р. Блейк из Кембриджа и т. д.

²⁷ Об истории этого издания см.: *Медведев И. П.* 1) В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива. С. 346—348; 2) О неосуществленном проекте В. Н. Бенешевича... С. 250.

²⁸ Из переписки О. А. Добиаш-Рожественской 1920—1930-х годов / Сост. Б. С. Каганович // ОИ. 1992. № 3. С. 113.

²⁹ Архив СПбГУ, ф. 1 (Отдел кадров), оп. 1, связка 8, № 1606, л. 20—24 об. (толково составленный протокол № 42 заседания кафедры истории средних веков от 10 октября 1937 г.), л. 19 (представление деканата директору ЛГУ, подписанное И. Г. Гуткиной, с резолюцией «В приказ»).

³⁰ Из переписки О. А. Добиаш-Рожественской... С. 114

³¹ ПФА РАН, ф. 192, оп. 2, д. 146, л. 2—3 (автограф, с пометой В. Н. Бенешевича: «Получ. 6/XI 37»).

³² Имеется в виду появившаяся 26 октября 1937 г. в «Известиях» заметка «Антисоветский поступок чл.-корр. АН СССР В. Н. Бенешевича», в которой сообщалось о решении Президиума АН СССР вынести на Общее собрание вопрос о пребывании В. Н. Бенешевича в рядах Академии.

³³ Постановление Президиума АН СССР об увольнении В. Н. Бенешевича см.: ПФА РАН, ф. 7, оп. 1, д. 208, л. 87 (в числе академиков, принявших участие в заседании Президиума от 25 октября 1937 г., Д. М. Петрушевский не значится). С поспешной бдительностью коллег из ЛГУ и АН СССР несколько контрастирует позиция администрации ГПБ, где сделали попытки обратиться в «инстанции» с ходатайствами о снисхождении. См. об этом: *Шварц Е. М.* Владимир Николаевич Бенешевич и Публичная библиотека (материалы к биографии) // Библиотечковедение и библиография за рубежом. М., 1994. № 135. С. 219.

³⁴ Архив Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и области, д. П-38323 (ранее — № 37899), т. 1 (нам это следственное дело известно в ксерокопиях, хранящихся ныне в архиве РНБ).

³⁵ В «справке», приложенной к обвинительному заключению (подписана Гантманом), отмечено: «Вешдок. по делу нет» (Там же, л. 38).

В. В. Носков

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Первая мировая война оказала громадное влияние на развитие философии истории. По силе воздействия на философско-историческую мысль своего времени эпоха первой мировой войны и последовавших за ней революций может сравниться с эпохой Великой французской революции и наполеоновских войн. На рубеже XVIII—XIX вв. философия истории конституировалась как особая сфера человеческого познания. Более того, «философия истории так или иначе вышла в центр мировоззрения, оказывая сильнейшее воздействие».¹ Зарождение философско-исторической мысли относится, конечно, к более раннему времени, но именно грандиозный исторический переворот, порожденный французской революцией, потребовал от мыслителей